Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

СТИХИ О РЕВОЛЮЦИИ

ОКТЯБРЬ
ФЕВРАЛЬ
ГОЛОД
ЕВРОПА
ИСКУССТВО
СМЕШНОЕ

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1923

Главлит № 10.353. Тираж 7.000 экз.

Типография Изд. „Красная Новь“ при ГПП., Милютинский 22.

ОКТЯБРЬ.

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Мы идем —
революционной лавой!
Над рядами
флаг пожаров ал.
Наш вождь
миллионноглавый
третий Интернационал.

В стены столетий
воль вал
бьет третий
Интернационал.

Мы идем.
Рядов разливу нет истока.
Волгам красных армий нету устья.
Пояс красных армий,
к западу
с востока
опоясав землю,
полюсами пустим.

Нации сети.
Мир мал.
Ширься, третий
Интернационал.

Мы идем.
Рабочий мира,
слушай!
Революция идет.
Восток в шагах восстаний.
За Европой
океанами пройдет как сушей.
Красный флаг—
на крыши нью-йорских зданий!

в новом свете
и в старом
ал
будет
третий
Интернационал.

Мы идем.
Вставайте, цветнокожие колоний!
Белые рабы империй—
вставайте!
бой решит—
рабочим властвовать у мира в лоне
или
войнами зверееть Антанте.

Те
или эти
Мир мал.
К оружию,
третий
Интернационал.

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше наше знамя!
Серп,
огнем играя,
обнимайся с молотом радугой дуги.

В двери эти
стар и мал!
Вселенься, третий
Интернационал!

ЛЕВЫЙ МАРШ.

(Матросам).

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу историю загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

Эй, синеблузые!
Рейте
за океаны!

Или
у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там,
за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод,
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое ль станем пялиться?
Крепи

у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеевай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

МОЙ МАЙ.

Всем,
на улицу вышедшим,
тело машиной измаяв,—
всем,
молящим о празднике,
спинам, землею натруженным—
Первое мая!
Первый из маев
встретим, товарищи,
голосом в пение сдруженным.
Веснами мир мой!
Солнцем снежное тай!
Я рабочий—
это май мой!
Я крестьянин—
это мой май!

Всем,
для убийств залегшим,
злобу окопов иззмеев

всем,
с броненосцев
на братьев
пушками вцеливших люки,—
Первое мая!
Первый из маев
встретим,
сплетая
войной разобщенные руки,
Молкнь, винтовки вой!
Тихнь, пулемета лай!
Я матрос—
этот май мой!
Я солдат—
это мой май!

Всем
домам,
площадям,
улицам,
сжатым льдяною зимою,—
всем,
изглоданным голодом
степям,
лесам,
нивам,
Первое Мая!
Первый из маев
славьте—

людей,
плодородий,
весен разливом!
Зелень полей пой!
Вой гудков вздымай!
Я железо—
этот май мой!
Я земля—
это мой май!

МАРШ КОМСОМОЛЬЦА.

Комсомолец—
к ноге нога!
Плечо к плечу!
Марш.
Товарищ,
тверже шагай!
Марш, греми наш!

Пусть их скулит дядье!—
Наши ряды юны.
Мы
наверно войдем
в самый полдень коммуны.

Кто?
Перед чем сник?,
Мысли удар дай!
Врежься в толщь книг.
Нам
нет тайн.

Со старым не кончен спор.
Горят
глаз репьи.
Мускул
шлифуй, спорт!
Тело к борьбе крепи.

Морем букв,
числ
Плавай рыбой в воде.
День труд.
Учись!
Тыща ремесл.
Дел.

После дел всех
шаг прогулкой грохайте.
Так заливай, смех,
чтоб камень
лопался в хохоте.

Может
конец отцу
готовит
лапа годов.
Готов взамен бойцу?
Готов.
Всегда готов!

Что глядишь вниз—
пузо
свернул в кольца.
Товарищ—
становись
рядом
в ряды комсомольцев.

Комсомолец—
к ноге нога!
Плечо к плечу!
Марш!
Товарищ—
тверже шагай.
Марш греми наш!

ПОТРЯСАЮЩИЕ ФАКТЫ.

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звеня в Интернационале,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.
И вдруг,
увидели
деятели сыска,
все эти завсегдатаи баров и опер —
триэтажный
призрак
со стороны Российской.
Поднялся.
Шагает по Европе.
Обедающие не успели окончить обед,
в место это
грохнулся,

и над Аллеей Побед—
знамя
„Власть Советов“
Напрасно пухлые руки взмолены,
не остановить в его неслышном карьере.
Раздавил
и дальше ринулся Смольный,
республик и царств беря барьеры.
И уже
из лоска
тротуарного глянца
Брюсселя,
натягивая нерв,
росла легенда
про „Летучего Голландца“—
„Голландца“ революционеров.
А он—
по полям Бельгии,
по рыжим от крови полям,
туда,
где гудит союзное ржанье,
метнулся.
Красный встал рад Парижем.
Смолкли парижане.
Стоишь и сладостным маршем манишь.
И вот,
восстанию в лапы отдана
рухнула республика,
а он за Ламанш.

На площадь выводит подвалы Лондона.
А после
пароходы
низко - низко
над океаном Атлантическим видели —
пронесся.
К шахтерам Калифорнийским.
Говорят —
огонь из зева выделил.
Сих фактов оценки различна мерка.
Не верили многие.
Изловчались в спорах.
А в пятницу
утром
вспыхнула Америка,
землей казавшаяся, оказалась порох.
И если
скулит
обывательская моль нам:
не увлекайтесь Россией, востороженные
дети, —
я
указываю
на эту историю со Смольным.
А этому
я,
Маяковский,
свидетель.

МЫ НЕ ВЕРИМ!

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.

Нет!
не надо!
Разве молнии велишь:
не литься!—?
Нет!
не оковать язык грозы!
Вечно будет
тысячестраницый
грохотать
набатный
ленинский язык.

Разве гром бывает немотою болен?!
Разве сдержишь смерч—
чтоб вихрем не кипел?!
Нет!
не ослабеет ленинская воля
в миллионносильной воле РКП.

Разве жар
            такой
                    термометрами меряется?
Разьве пульс
            такой
                    секундами гудит?!
Вечно будет ленинское сердце
клокатать
            у революции в груди.

Нет!,
нет!
не-е-т.
Не хотим,
        не верим в белый бюллетень.
С глаз весенних
        сгинь навязчивая тень!

НАШЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Еще старухи молятся,
в богомольном изгорбясь иге,
но уже
шаги комсомольцев
гремят о новой религии.
О религии,
в которой
нам
не бог начертал бег,
а, взгудев электромоторы,
миром правит сам
человек.
Не будут
вперекор умам
дебоширить ведьмы и вии,
будут
даже грома
на учете тяжелой индустрии.
Не господу-богу
сквозь воздух
разгонять
солнечный скат.

Мы сдадим
        и луны,
                и звезды
в Главсиликат.
И не будут,
        уму на срам,
люди
        от неба зависеть —
мы. ввинтим
        лампы осрам
небу
        в звездные выси.
Не нам
        писанья священные
изучать
        из-под попьей палки.
Мы земле
        дадим освящение —
лучом космографий
                и алгебр.
Вырывай у бога вожжи!
Что морочить мир чудесами!
Человечьи законы
                — не божьи! —
на земле
        установим сами.
Мы
        не в церковке
                тесной и грязненькой

будем кукситься в праздники наши
Мы
    свои установим праздники
и распразднуем в грозном марше.
Не святить нам столы усеянные.
Не творить жратвы обряд.
Коммунистов воскресенье —
25-е октября.
В этот день
        в рост весь.
Меж
    буржуазной паники
раб рабочий воскрес,
воскрес
    и встал на ноги.
Постоял,
    посмотрел
        и пошел,
всех религий развея ига.
Только вьется красный шелк,
да в руке
    сияет книга.
Пусть их,
    свернувшись в кольца,
бьют церквами поклон старухи.
Шагайте,
        да так,
    комсомольцы,
чтоб у неба звенело в ухе!

ОДА РЕВОЛЮЦИИ.

Тебе,
освистанная,
осмеянная батареями,
тебе,
из‘язвленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
"О!"
О звериная!
О детская!
О копеечная!
О великая!
Каким названьем тебя еще звали?
Как обернешься еще, двуликая?
стройной постройкой,
грудой развалин?
Машинисту,
пылью угля овеенному,
шахтеру, пробивающему толщи руд,
кадишь,

кадишь благоговейно,
славишь человечий труд.
А завтра...
Блаженный
стропила соборовы
тщетно возносит, пощаду моля —
твоих шестидюймовок тупорылые боровы
взрывают тысячелетия Кремля.
Слава.
Хрипит в предсмертном рейсе.
Визг сирен придушенно тонок.
Ты шлешь моряков
на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после —
пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о будь ты проклята трижды! —
и мое
поэтово
— о четырежды славься, благословенная! —

ФЕВРАЛЬ.

РЕВОЛЮЦИЯ.

Поэтохроника.

26 февраля. Пьяные, смешанные с полицией
солдаты стреляли в народ.

27-е.
Разлился по блескам дул и лезвий
рассвет.
Рдел багрян и долог.
В промозглой казарме
суровый
трезвый
молился Волынский полк.

Жестоким
солдатским богом божились
роты,
бились об пол головой многолобой.
Кровь разжигалась, висками жилясь.
Руки в железо сжимались злобой.

Первому,
приказавшему
—стрелять за голод!—
заткнули пулей орущий рот.
Чье-то—„Смирно!“
Не кончил.
Заколот.
Вырвалась городу буря рот.

9 часов.
На своем постоянном месте,
в Военной Автомобильной Школе
стоим,
зажатые казарм оградою.
Рассвет растет,
сомненьем колет,
предчувствием страша и радуя.

Окну!
Вижу
оттуда,
где режется небо
дворцов иззубленной линией,
взлетел,
простерся орел самодержца
черней, чем раньше,
злей,
орлинее.

Сразу —
люди,
лошади,
фонари,
дома
и моя казарма,
толпами
по сто,
ринулись на улицу.
Шагами ломаемая звенит мостовая.
Уши крушит невероятная поступь.

И вот, неведомо
из пенья толпы ль,
из рвущейся меди ли труб гвардейцев
нерукотворный,
сияньем пробивая пыль,
образ возрос.
Горит.
Рдеется.

Шире и шире крыл окружие.
Хлеба нужней,
воды изжажданней —
вот она:
Граждане, за ружья!
К оружию, граждане!

На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее „Прежде“.
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
до последней пуговицы в одежде
жизнь переделаем снова.

Граждане!
Это первый день рабочего потопа.
Идем
запутавшемуся миру на выручу!
Пусть толпы в небо вбивают топот!
Пусть флоты ярость сиренами вырычут!

Горе двуглавому!
Пенится пенье.
Пьянит толпу.
Площади плещут.
На крохотном Форде
мчим,
обгоняя погони пуль.
Взрывом гудков продираемся в городе.

В тумане.
Улиц река дымит.
Как в бурю дюжина груженых барж,
над баррикадами
плывет громыхая марсельский марш.

Первого дня огневое ядро
жужжа скатилось за купол Думы.
Нового утра новую дрожь
встречаем у новых сомнений в бреду мы.

Что будет?
Их ли из окон выломим,
или на нарах
ждать,
чтоб снова
Россию
могилами
выгорбил монарх?

Душу глушу об выстрел резкий.
Дальше,
в шинели орыт,
рассыпав дома в пулеметном треске,
город грохочет.
Город горит.

Везде языки.
Взовьются и лягут.

Вновь взвиваются, искры рассея.
Это улицы,
взяв по красному флагу,
призывом зарев зовут Россию.

Еще!
О еще!
О ярче учи, красноязыкий оратор!
Зажми и солнца
и лун лучи
мстящими пальцами тысячерукого Марата!

Смерть двуглавому!
Каторгам в двери
ломись,
когтями ржавыми выев.
Пучками черных орлиных перьев подбитые
падают городовые.

Сдается столицы горящий остов.
По чердакам раскинули поиск.
Минута близко.
На Троицкий мост вступают толпы войск.
Скрип содрогает устои и скрепы.
Стиснулись.
Бьемся.
Секунда!
и в лак
заката

с фортов Петропавловской крепости
взвился огнем революции флаг.

Смерть двуглавому!
Шеищи глав
рубите наотмашь!
Чтоб больше не ожил.
Вот он!
Падает!
В последнего из-за угла! — вцепился.

„Боже,
четыре тысячи в лоно твое прими!“

Довольно!
Радость трубите всеми голосами!
Нам
до бога
дело какое?!
Сами
со святыми своих упокоим.

Что ж не поете?
Или
души задушены Сибирей саваном?
Мы победили!
Слава нам!
Сла-а-ав-в-в-а нам!
Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.

Новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.

Нам,
Поселянам Земли,
каждый Земли Поселянин родной.
Все
по станкам,
по конторам,
по шахтам, братья.
Мы все
на земле
воины одной
жизнь созидающей рати.

Пробеги планет,
держав бытие
подвластны нашим волям.
Наша земля.
Воздух нам.
Наши звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать остриями отточенных
копий.

Чья злоба надвое землю сломала?
Кто вздыбил дымы над заревом боен?
Или солнца
одного
на всех мало?!
или небо над нами мало голубое?!

Последние пушки грохочут в кровавых спо-
рах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздарим мячи гранат.

Не трусость вопит под шинелью серою,
не крики тех, кому есть нечего;
это народа огромного громовое:
—Верую
величию сердца человечьего!—

Это над взбитой битвами пылью
над всеми, кто грызся в любви изверясь,
днесь
небывалой сбывается былью
социалистов великая ересь!

[illegible]
[illegible]

Нам,
Поселянам Земли,
[illegible]
Все
по станкам,
по конторам,
[illegible]
Мы все
на земле
носим одной
[illegible]
[illegible]

Пробеги планет,
[illegible]
подвластных нашим велениям.
Наша земля.
[illegible]
Наших звезд алмазные копи.
И мы никогда,
никогда!
никому,
никому не позволим!
землю нашу ядрами рвать,
воздух наш раздирать [illegible]

ГОЛОД.

СВОЛОЧИ.

Гвоздимые строками,
стойте немы!
Слушайте этот волчий
вой,
еле прикидывающийся поэмой!
Дайте сюда
самого жирного!
самого плешивого!
За шиворот
ткну в отчет Помгола,
смотри!

Видишь—

за цифрой голой...

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами сгреб,
тысяче-
миллионно-крыший
волжских селений гроб.

Трубы—
гробовые свечи.
Даже вороны
исчезают,
чуя,
что, дымясь,
тянется
слащавый,
тошнотворный
дух
зажариваемых мяс.
Сына?
Отца?
Матери?
Дочери?
Чья?!
Чья в людоедчестве очередь?!.
Помощи не будет!
Отрезаны снегами.
Помощи не будет!
Воздух пуст.
Помощи не будет!
Под ногами
даже глина сожрана.
Даже куст.
Нет,
не помогут!
Надо сдаватся.
В 10 губерний могилу вымеряйте!

Двадцать
Миллионов!
Двадцать —
ложитесь!
Вымрите!..
Только одна,
осипшим голосом
сумашедшие проклятия мятелями меля,
рек,
дорог снеговые волосы
ветром рвя, рыдает земля.

Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!

Сам смотрящий смерть воочию,
еле едящий,
только б не сдох, —
тянет город руку рабочую
горстью сухих крох.

„Хлеба!
Хлебушка!
Хлебца!"
Радио ревет за все границы.
И в ответ
за нелепицей нелепица
сыплется в газетные страницы.

„Лондон.
Банкет.
Присутствие короля и королевы.
Жрущих—не вместишь в раззолоченные
хлевы“.
Будьте прокляты!
Пусть
за вашей головою венчанной
из колоний
дикари придут,
питаемые человечиной!
Пусть
горят над королевством
бунтов зарева!
Пусть
столицы ваши
будут выжжены до тла!
Пусть из наследников,
из наследниц варево
варится в коронах-котлах!

„Париж.
Собрались парламентарии,
Доклад о голоде.
Фритиоф Нансен.
С улыбкой слушали—
будто соловьиные арии—
будто тенора слушали в модном романсе“.
Будьте прокляты!

Пусть
вовеки
вам
не слышать речи человечьей!
Пролетарий французский!
Эй,
стягивай петлею вместо речи
толщь непроходимых шей!

„Вашингтон.
Фермеры,
доевшие,
допившие
до того,
что лебедками подымают пузы,
в океане
пшеницу
от излишества топившие, —
топят паровозы грузом кукурузы“.

Будьте прокляты!
Пусть
ваши улицы
бунтом будут запружены,
выбрав
место, где более больно,
пусть
по Америке
по Северной,

по Южной—
гонят
брюх ваших
мячище футбольный!

„Берлин,
Оживает эмиграция.
Банды радуются:
с голодными драться им.
По Берлину,
закручивая усики,
ходят,
хвастаются:
—патриот!
Русский!“—

Будьте прокляты!
Вечное „вон!“ им!
Всех отвращая Иудьим видом,
французского золота преследуемые звоном,
скитайтесь чужбинами вечным жидом!
Леса российские,
соберитесь все!
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался синий.

„Москва.
Жалоба сборщицы:

в „Ампирах“ морщатся
или дадут
тридцатирублевку,
вышедшую из употребления в 1918 году“.

Будьте прокляты!
Пусть будет так,
чтоб каждый проглоченный
глоток
желудок жог!
Чтоб ножницами оборачивался бифштекс
сочный,
вспарывая стенки кишек!

Вымрет.
Вымрет 20 миллионов человек!
Именем всех, упокоенных тут,—
проклятье отныне,
проклятье вовек,
от Волги отвернувшим морд толстоту.
Это слово не к жирному пузу,
это слово не к царскому трону,—
в сердце таком
слова ничего не тронут:
трогают их революций штыком.
Вам,
несметной армии частицам малым,
порох мира,
силой чьей,

силой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот!
Цифрами верстовыми,
вмещающимися едва,
запишите Волгу буржуазии в счет!

Будет день —
пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
будьте беспощадны
в этот час расплаты!

ЕВРОПА.

сылой,
брошенной по всем подвалам,
будет взорван
мир несметных богачей!
Вам! Вам! Вам!
Эти слова вот
Цифрами верстовыми
вмещающимися едва,
запишите [illegible] буржуазии в [illegible]!

Будет день
пожар всехсветный,
чистящий и чадный.
Выворачивая богачей палаты,
будьте так же,
будьте беспощадны
в этот час расплаты!

НА ЦЕПЬ!

— Патронов не жалейте! Не жалейте пуль! —
Опять по армиям приказ Антанты отдан.
Январь — готовят обернуть в июль —
июль 14-го года.

И может быть
уже
рабам на Сене
хозяйским окриком повелено:
— раба немецкого поставить на колени.
Не встанут — расстрелять по переулкам
Кельна!

Сияй, Пуанкарэ!
Сквозь жир
в твоих ушах
раскат пальбы гремит прелестней песен:
рабочий Франции по штольням мирных шахт
берет в штыки рабочий, мирный Эссен.

Тюрьмою Рим, — дубин заплечных свист,
рабочий Рима, бей немецких в Руре —
пока
чернорубашечник фашист
твоих вождей крошит в застенках тюрем.

Британский лев, держи нейтралитет,
блудливые глаза прикрой стыдливой лапой,
а пальцем
укажи,
куда судам лететь,
рукой свободною колоний горсти хапай.

Блестит английский фунт у греков на носу,
и греки прут, в посул топыря веки;
чтоб Бонар-Лоу подарить Моссул,
из турков пустят кровь и крови греков реки.
Товарищ мир! —
Я знаю,
ты бы мог
спиницщу разогнуть.
И просто —
шагни!
И раздавили-б танки ног
с горба попадавших прохвостов.

Время с горба сдуть.
Бунт барабан бей!
Время вздеть узду,
капиталиста алчбе.

Или не жалко горба?
Быть рабом лучше?
Рабочих шагов барабан,
по миру греми, гремучий.
Европе указана смерть
пальцем Антанты потным.
Лучше восстать посметь,
встать и стать свободным.

Тем, кто забит и сер,
в ком курья вера,—
красный СССР,
будь тебе примером!

Свобода сама собою
не валится в рот.
Пять—
пять лет вырываем с бою
за пядью каждую пядь,

Еще не кончен труд,
еще не рай неб.
Капитализм спрут.
Щупальцы спрута—НЭП.

Мы идем мерно,
идем с трудом дыша,
но каждый шаг верный
близит коммуну шаг.
Рукой на станок ляг!
Винтовку держи другой!

Нам покажут кулак,
мы вырвем кулак с рукой.

Чтоб тебя, Европа раба,
не убили в это лето —
бунт бей, барабан,
мир обнимите, Советы!

Снова сотни стай
лезут жечь и резать.
Рабочий, встань!
Взнуздай!
Антанте узду из железа!

ГЕРМАНИЯ.

Германия—
это тебе.
Это не от Рапалло.
Не наркомвнешторжьим я расчетам внял,
Никогда,
никогда язык мой не трепала
комплементщины официальной болтовня.
Я не спрашивал,
Вильгельму,
Николаю прок-ли,
разбираться в дрязгах царственных не мне.
Я
от первых дней
войнищу эту проклял,
плюнул рифмами в лицо войне.
Распустив демократические слюни,
шел Керенский в орудийном гуле.
С теми был я,
кто в июне
отстранял

от вас
нацеленные пули.
И когда, стянув полков ободья,
сжали горла вам французы и британцы,
голос наш
взвивался песней о свободе,
руки фронта вытянул брататься.
Сегодня
хожу
по твоей земле Германия,
и моя любовь к тебе
расцветает романнее и романнее.
Я видел —
цепенеют верфи на Одере,
я видел, —
фабрики сковывает тишь.
Пусть, —
не верю,
что на смертном одре
лежишь.
Я давно
с себя
лохмотья наций скинул.
Нищая Германия,
позволь
мне,
как немцу,
как собственному сыну,
за тебя твою распеснить боль.

Рабочая песня —
мы сеем,
мы жнем,
мы куем,
мы прядем,
рабы всемогущих Стиннесов [1])
Но мы не мертвы.
Мы еще придем.
Мы еще наметим и кинемся.
Обернулась шибером, [2])
улыбка на морде, —
история стала.
Старая врет.
Мы еще придем.
Мы пройдем из Норденов [3]),
сквозь Вильгельмов пролет Бранденбургских ворот. [4])
У них доллары.
Победа дала.
Из унтерденлиндских отелей
ползут,
вгрызают в горло доллар,
пируют на нашем теле.
Терпите, товарищи, расплаты во имя...

---

[1]) Стиннес — могущественнейший капиталист Германии.
[2]) Шибер — спекулянт.
[3]) Норден — рабочий квартал Берлина.
[4]) Вильгельмов пролет — средний пролет Бранденбургских ворот. Через эти ворота ездил только Вильгельм.

За все, —
за войну,
за после,
за раньше,
со всеми,
с ихними
и со своими,
мы рассчитаемся в Красном реванше...
На глотке колено.
Мы—зверьи рычим.
Наш голос судорогой немится...
Мы знаем под кем,
мы знаем под чьим
еще подымутся немцы.
Мы
еще
извеселим берлинские улицы.
Красный флаг,—
мы заждались—
вздымайся и рей.
Красной песне
из окон каждого Шульца
откликайся,
свободный
с Запада
Рейн.

Это тебе дарю, Германия.

Это
не долларов тыщи,
этой песней счета с голодом не свесть.
Что-ж,
и ты
и я—
мы оба нищи,—
у меня
это лучшее из всего, что есть.—

ПАРИЖ.

(Разговорчики с Эйфелевой башней)

Обшаркан милльоном ног.
Исшелестен тыщей шин.
Я борозжу Париж—
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
Вокруг меня—
авто фантастят танец,
вокруг меня—
из зверорыбьих морд—
еще с Людовиков
свистит вода фонтанясь.
Я выхожу
на Place de la Concorde.
Я жду,
пока,
подняв резную главку,
домовьей слежкою умаяна,—
ко мне,

к большевику,
на явку
выходит Эйфелева из тумана.
Т-ш-ш-ш,
башня,
тише шлепайте!—
увидят!
луна—гильотинная жуть.
Я вот что скажу
(пришипился в шопоте,
ей—
в радио-ухо,
шепчу,
жужжу).
Я разагитировал вещи и здания.
Мы—
только согласия вашего ждем,
башня—
хотите возглавить восстание?
Башня—
мы
вас выбираем вождем!
Не вам—
образцу машинного гения—
здесь
таять от Аполиндровских вирш.
Для вас
не место—место гниения,—
Париж проституток,

поэтов,
бирж.
Метро согласились,
метро со мною,—
они
из своих облицованных нутр,
публику выплюют—
кровью смоют
со стен
плакаты духов и пудр.
Они убедились—
не ими литься
вагонам богатых.
Они не рабы!
Они убедились:
им
более к лицам
наши афиши,
плакаты борьбы.
Башня—
улиц не бойтесь!
Если
метро не выпустит уличный грунт—
грунт
исполосуют рельсы.
Я поднимаю рельсовый бунт.
Боитесь?
Тракторы заступятся стаями?
Боитесь?

На помощь придет рив-гош?
Не бойтесь!
Я уговорился с мостами.
Вплавь,
реку
переплыть,
не легко-ж?!
Мосты,
распалясь от движения злого,
подымутся враз с парижских боков.
Мосты забунтуют
по первому зову —
прохожих ссыпят на камень быков.
Все вещи вздыбятся.
Вещам не в моготу.
Пройдет
пятнадцать лет,
иль двадцать,—
обдрябнет сталь,
и сами
вещи
тут
пойдут
монмартрами на ночи продаваться.
Идемте, башня,
к нам!
Вы —
там,
у нас,

нужней!
Идемте к нам!—
В блестеньи стали,
в дымах,—
мы встретим вас.
Мы встретим вас нежней,
чем первые любимые любимых.
Идем в Москву.
У нас
в Москве
простор.
Вы
каждой!—
будете по улице иметь.
Мы
будем холить вас:
раз сто
за день
до солнц расчистим вашу сталь и медь.
Пусть
город ваш,
Париж франтих и дур,
Париж бульварных ротозеев,
кончается один в сплошной складбищась
Лувр,
в старье лесов булонских и музеев.
Вперед,
шагни четверкой мощных лап,—
прибитых чертежами Эйфеля,

чтоб в нашем небе твой израдиило лоб,
чтоб наши звезды пред тобою сдрейфили!
Решайтесь, башня,—
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!
Идемте!
К нам!
К нам в СССР!
Идемте к нам—
я
вам достану визу!

ИСКУССТВО.

ПЕРНАТЫЕ.

(Нам посвящается).

Перемириваются в мире.
Передышка в грозе.
А мы воюем.
Воюем без перемирий.
Мы
действующая армия журналов и газет.
Лишь строки-улицы в ночь рядятся,
маскированные домами горами,
мы
клоним головы в штабах редакций
над фоно-теле-радио-граммами.
Ночь.
Лишь косятся звездные лучики.
Попробуй—
вылезь в час вот этакий!
А мы,
мы ползем—репортеры-лазутчики
сенсацию в плен поймать на разведке.

Поймаем,
допросим
и тут же
храбро
на мир,
на весь миллиардомильный
в атаку,
щетинясь штыками Фабера,
идем,
истекая кровью чернильной.
Враг,
колючей проволокой мотанный,
думает:
— В рукопашную не дойти! —
Пустяк.
Разливая огонь словометный,
пойдет пулеметом хлестать Линотип.
Армия вражья крепости рада.
Стереть!
Не бросать итти!
По стенам армии вражьей
снарядами
бей стереотип!
Наконец,
в довершенье вражьей паники,
скрежеща,
воя,
ратационки-танки,
укатывайте поле боевое!

А утром...
Форды—
лишь луч проскребся—
летите,
киоскам о победе тараторя.
—Враг
разбит петитом и корпусом
на полях газетно-журнальных территорий.

ПОЭТ РАБОЧИЙ.

Орут поэту:
„Посмотреть бы тебя у токарного станка.
А что стихи?
Пустое это!
Небось работать—кишка тонка“.
Может быть
нам
труд
всяких занятий роднее.
Я тоже фабрика.
А если без труб,
то может
мне
без труб труднее.
Знаю—
не любите праздных фраз вы.
Рубите дуб—работать дабы.
А мы
не деревообделочники разве?
Голов людских обделываем дубы.
Конечно,
почтенная вещь рыбачить.

Вытащить сеть.
В сетях осетры б!
Но труд поэтов—почтенный паче—
людей живых ловить, а не рыб.
Огромный труд—гореть над горном,
железа шипящие класть в закал.
Но кто-ж
в безделье бросит укор нам?
Мозги шлифуем рашпилем языка.
Кто выше—поэт
или техник,
который ведет людей к вещественной выгоде?
Оба.
Сердца такие ж моторы.
Душа такой же хитрый двигатель.
Мы равные.
Товарищи в рабочей массе.
Пролетарии тела и духа.
Лишь вместе
вселенную мы разукрасим
и маршами пустим ухать.
Отгородимся от бурь словесных молом.
К делу!
Работа жива и нова.
А праздных ораторов
на мельницу!
К мукомолам!
Водой речей вертеть жернова.

БАРАБАННАЯ ПЕСНЯ.

Наш отец—завод.
Красная кепка—флаг.
Только завод позовет—
Руку прочь, враг.

Вперед, сыны стали!
Рука, на приклад ляг!
Громи, шаг, дали!
Громче печать—шаг!

Наша мать—пашня.
Пашню нашу не тронь!
Стража наша страшная—
Глаз, винтовок огонь.

Вперед, дети ржи!
Рука, на приклад ляг!
Ногу ровней держи!
Громче печать—шаг!

Армия—наша семья.
Равный в равном ряду.
Сегодня солдат я,—
Завтра полк веду.

За себя, за всех стой,—
С неба не будет благ.
За себя, за всех в строй!
Громче печать—шаг.

Коммуна, наш вождь,
Велит нам: напролом!
Разольем пуль дождь,
Разгремим орудий гром.

Если вождь зовет,
Рука, на винтовку ляг.
Вперед, за взводом взвод!
Громче печать—шаг.

Совет—наша власть.
Сами собой правим.
На шею вовек не класть
Рук барской ораве.

Только кликнув Совет!
Рука, на винтовку ляг!
Шагами громи свет!
Громче печать—шаг.

Наша родина—мир,
Пролетарии всех стран—
Ваш щит мы—
Вооруженный стан.

Где-б враг ни был.
Станем под красный флаг.
Над нами мира небо.
Громче печать—шаг.

Будем, будем везде.
В свете частей пять.
Пятиконечной звезде—
Во всех пяти сиять.

Отступит назад враг—
Снова России всей.
Рука, на плуг ляг!
Снова, свободная сей!

Отступит врага нога—
Пыль, убегая взовьет.
С танка слезь!
К станкам!

Назад!
К труду.
На завод.

ПРИКАЗ № 2 АРМИИ ИСКУССТВ.

Это вам —
упитанные баритоны —
от Адама
до наших лет,
потрясающие театрами именуемые притоны
ариями Ромеов и Джульетт.

Это вам —
пентры,
раздобревшие как кони, —
жрущая и ржущая России краса,
прячущаяся мастерскими,
по старому драконя,
цветочки и телеса.

Это вам —
прикрывшиеся листиками мистики,
лбы морщинками изрыв —
футуристики,

имажинистики,
акемеистики,
запутавшиеся в паутине рифм.

Это вам—
на растрепанные сменившим
гладкие прически,
на лапти—лак
пролеткультцы,—
кладущие заплатки
на вылинявший Пушкинский фрак.

Это вам—
пляшущие, в дуду дующие
и открыто предающиеся,
и грешащие тайком,
рисующие себе грядущее
огромным академическим пайком.
Вам говорю
я—
гениален я или не гиниален,
бросивший безделушки
и работающий в Росте
говорю вам—
пока вас прикладами не прогнали.
Бросьте!

Бросьте!
Забудьте,

плюньте
и на рифмы,
и на арии,
и на розовый куст,
и на прочие мелехлюндии
из арсеналов искусств.

Кому это интересно,
что „ах—вот бедненький.
Как он любил
и каким он был несчастным?...“
Мастера,
а не длинноволосые проповедники
нужны сейчас нам!
Слушайте!
Паровозы стонут,
дует в щели и в пол,—
„Дайте уголь с Дону!
Слесарей,
механиков в Депо!“

У каждой реки на истоке,
лежа с дырой в боку,
пароходы провыли доки:—
„Дайте нефть из Баку!“

Пока канителим, спорим,
смысл сокровенный ища:

„Дайте нам новые формы!“—
несется вопль по вещам.

Нет дураков,
ждя, что выйдет из уст его,
стоят перед „маэстрами“ толпой разинь.
Товарищи,
дайте новое искусство—
такое,
чтоб выволочь Республику из грязи.

ВЕСЕННИЙ ВОПРОС

Страшное у меня горе.
Вероятно—
лишусь сна.
Вы понимаете
вскоре
в Р. С. Ф. С. Р.
придет весна.
Сегодня
и завтра
и веков испокон
шатается комната—
солнца пропойца.
Невозможно работать.
Определенно обеспокоен.
А ведь откровенно говоря—
совершенно не из-за чего беспокоиться.
Если подойти серьезно—
так-то оно так.
Солнце посветит—
и пройдет мимо.

А вот попробуй—
от окна оттяни кота.
А если и животное интересуется
улицей,
то мне
это—
просто необходимо.
На улицу вышел
и встал в лени я
не в силах...
не сдвинуть с места тело.
Нет совершенно
ни малейшего представления,
что ж теперь собственно говоря делать?!
И за шиворот.
и по носу
каплет безбожно.
Слушаешь.
Не смахиваешь.
Будто стих.
Юридически—
куда хочешь итти можно,
но фактически—
сдвинуться
никакой возможности.
Я, например,
считаюсь хорошим поэтом.
Ну, скажем,
могу

доказать—
„самогон большое зло“.
А что про это?
Чем про это?
Ну, нет совершенно никаких слов.
Например:
город советские служащие искрапили,
приветствуй весну,
ответь салютно!
Разучились—
нечем ответить на капли.
Ну, не могу сказать—
ни слова.
Абсолютно!
Стали вот так вот—
смотрят рассеянно.
Наблюдают—
скалывают дворники лед.
Под башмаками вода.
Бассейны.
Сбоку брызжет.
Сверху льет.
Надо принять какие-то меры.
Ну, не знаю что,—
например:
выбрать день
самый синий,
и чтоб на улицах
улыбающиеся милиционеры,

всем
в этот день
раздавали апельсины.
Если это дорого—
можно выбрать дешевле,
проще.
Например:
чтоб старики,
безработные,
неучащаяся детвора
в 12 часов
ежедневно
собирались на Советской площади,
троекратно кричали-б:
ура!
ура!
ура!
Ведь все другие вопросы
более или менее ясны.
И относительно хлеба ясно
и относительно мира ведь.
Но этот
кардинальный вопрос
относительно весны
нужно,
во что бы то ни стало,—
теперь же урегулировать.

СМЕШНОЕ.

всем
в этот день
раздавали апельсины.
Если это дорого —
можно выбрать дешевле,
проще.
Например:
чтоб старики,
безработные,
неучащаяся детвора
в 12 часов
ежедневно
собирались на Советской площади,
троекратно кричали б:
ура!
ура!
ура!
Ведь все другие вопросы
более или менее ясны.
И относительно хлеба ясно,
и относительно мира ведь.
Но этот
кардинальный вопрос
относительно весны
нужно
во что бы то ни стало
теперь же урегулировать.

СТИХОТВОРЕНИЕ О МЯСНИЦКОЙ, О БАБЕ И О ВСЕРОССИЙСКОМ МАСШТАБЕ.

Сапоги почистить — 1.000.000.
Состояние!
Раньше-б дом купил —
и даже не плохой.

Привыкли к миллионам.
Даже до луны расстояние
советскому жителю кажется чепухой.

Дернул меня чорт
писать один отчет.
„Что это такое“? —
спрашивает с тоскою
машинистка.
Ну что отвечу ей!?

Чорт его знает, что это такое,
если сзади
у него
тридцать семь нулей.
Недавно уверяла одна дура—
что у нее
тридцать девять тысяч семь сотых темпе-
ратура.

Так привыкли к этаким числам,
что меньше сажени число и не мыслим.

И нам,
если мы на митинге ревем,
рамки арифметики, разумеется, узки—
все разрешаем в масштабе мировом.
В крайнем случае—масштаб общерусский.
„Электрофикация!“ — масштаб всероссий-
ский.
„Чистка“!—во всероссийском масштабе.
Кто-то
даже,
чтоб избежать переписки—
предлагал—
сквозь землю
до Вашингтона кабель.

Иду.
Мясницкая.

Ночь глуха.
Скачу трясогузкой с ухаба на ухаб.
Сзади с тележкой баба.
С вещами
на Ярославский
хлюпает по ухабам.
Сбивают ставшие в хвост на галоши;
то грузовик обдаст,
то лошадь.
Балансируя
— четырехлетний навык! —
тащусь меж канавищ,
канав,
канавок.
И то
— на лету вспоминая маму —
с размаху
у почтамта
плюхаюсь в яму.
На меня тележка.
На тележку баба.
В грязи ворочаемся с боку на бок.
Что бабе масштаб грандиозный наш?
Бабе грязью обдало рыло
и баба,
— взбираясь с этажа на этаж,
сверху
и меня
и власти крыла.

Правдив и свободен мой вещий язык
и с волей советскою дружен,
но натолкнувшись на эти низы
даже я запнулся, сконфужен.
Я
на сложных агитвопросах рос,
а вот
не могу об'яснить бабе,
почему это
о грязи
на Мясницкой
вопрос
никто не решает в общемясницком мас-
штабе?!

РАССКАЗ ПРО ТО, КАК КУМА О ВРАНГЕЛЕ ТОЛКОВАЛА БЕЗ ВСЯКОГО УМА.

Старая, но полезная история.

Врангель прет.
Отходим мы.
Врангелю удача.
На базаре
две кумы,
вставши в хвост, судачат:
„Кум сказал —
а в ём ума! —
я-то куму верю,
что барон-то,
слышь кума,
меж Москвой и Тверью.
В Кремль, мол, в‘еду на вечер —
не было-б лишь лень нам!..
В ероплане
давеча
Троцкий скрылся с Лениным.

Чуть не даром
все
в Твери
стало продаваться;
пуд крупчатки...
— Ну,
не ври! —
пуд за рупь за двадцать.
А вина — скажу я вам!
Дух над Тверью водочный.
Пьяных
лично
по домам
водит околодочный.
Влюблены в барона власть
левые и правые.
Ну не власть, а прямо сласть —
просто — равноправие".

Встали, ртом ловя ворон.
Скоро ли примчится?
Скоро-ль будет царь-барон
и белая мучица?

Шел волшебник мимо их.
— На — сказал он бабе —
скороходы-сапоги
к Врангелю зашла-бы! —
В миг обувшись,

шага в три
в Тверь кума на это.
Кум сбрехнул ей:
во Твери
власть стоит Советов.
Мчала баба суток пять
рвала юбки в ветре,
чтоб баронский
увидать
флаг
на Ай-Петри.

Разогнавшись с дальних стран,
удержаться силясь,
баба
прямо
в ресторан
в Ялте опустилась.

В Грандотеле
семгу жрет
Врангель толсторожий.
Разевает баба рот
на рыбешку тоже.

Метр д'отель
желанья те
зрит —
и на подносе

ей
саженный метр д‘отель
карточку подносит.
Все в копеечной цене.
С‘ехал сдуру разум.
Молвит баба:
— Дайте мне
всю программу разом!—

От лакеев мчится пыль.
Прошибает пот их.
Мчат котлеты и супы
вина и компоты.
Уж из глаз еда течет
у разбухшей бабы!
Наконец-то,
просит счет
бабин голос слабый.

Вся собралась публика.
Стали щелкать счеты.
Сто четыре рублика
выведено в счете.
Что такая сумма ей?!.
Даром!
С неба манна.
Двести вынула рублей
баба из кармана,

Отскочил хозяин.
— Нет! —
(Бледность мелом в роже)
— Наш-то рупь не в той цене,
наш в миллион дороже. —
Завопил хозяин лют.
— Знаешь разницу валют?!
Беспортошных нету тут,
генералы тута пьют.
Возопил хозяин в яри.
— Это, тетка, что же,
этак
каждый пролетарий
жрать захочет тоже.
— Будешь знать как есть и пить! —
все завыли в злости.
Стал хозяин тетку бить,
метр д'отель
и гости.

Околодочный
на шум
прибежал из части.

Взвыла баба:
„Ой,
прошу,
защитите, власти"!

Как подняла власть сия
с шпорой сапожища...
Как полезла
мигом
вся
вспять
из бабы
пища.

— Много, молвит, благ в Крыму —
только для буржуя,
а тебя,
мою куму,
в часть препровожу я. —
Влезла
тетка
в скороход
пред тюремной дверью,
как задала тетка ход —
в Эрэсэфесерью.

Бабу видели мою,
наши обыватели?
Не хотите
в том раю
сами побывать-ли?!

ПРОЗАСЕДАВШИЕСЯ.

Чуть ночь превратится в рассвет.
Вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание,
отобрав с полсотни—
самые важные!—
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:—
„Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она“.
— „Товарищ Иван Ваныч ушли заседать—
об'единение Тео и Гукона“.

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
„Через час велели притти вам.
Заседают:
Покупка склянки чернил
Губкооперативом“.

Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет-
голо!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
„Пришел т. Иван Ваныч?“
— „На заседании
А-бе-ве-ге-де-кома“. —

Вз‘яренный
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая, —
и вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?

„Зарезали!
Убили!“
Мечусь оря.—
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
„Они на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там“.

С волнения не уснешь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
О хоть бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!

БЮРОКРАТИАДА.

Прабабушка бюрократизма.

Бульвар.
Машина.
Сунь пятак,—
что-то повертится,
пошипит гадко.
Минуты через две,
приблизительно так,
из машины вылазит трехкопеечная шоко-
ладка.

Бараны!
Чего разглазелись кучей!?
В магазине и проще,
и дешевле,
и лучше.

Вчерашнее.

Черт,
сын его,
или евонный брат,

расшутившийся сверх всяких мер,
раздул машину в миллиарды крат
и расставил по всей РСФСР.
С ночи становятся людей тени;
тяжелая—под‘емный мост!—
скрипит,
глотает дверь учреждений
извивающийся человечий хвост.

Дверь разгорожена.
Еще не узка им!
Через решетки канцелярских баррикад,
вырвав пропуск, идет пропускаемый.
Разлилась корридорами человечья река.

(Первый шип—
первый вой—
„с очереди сшиб!“
„осади без трудовой!“).

—Ищите и обрящете—
пойди и „рящь“ ее!—
которая „входящая“ и „которая“ исходящая?!

Обрящут через час другой.
На рупь бумаги—совсем мало!..
Всовывают дрожащей рукой
в пасть входящего журнала.
Колесики завертелись.

От дамы к даме
пошла бумажка, украшаясь номерами.

От дам бумажка перекинулась к секретарше.
Шесть секретарш от младшей до старшей!
До старшей бумажка дошла в обед.
Старшая разошлась.
Потерялся след.
Звезды считать?
Сойдешь с ума!
Инстанций не считаю—плавай сама!
Бумажка плыла, шевелилась еле.
Лениво ворочались машин валы.
В карманы тыкалась,
совалась в портфели,
на полку ставилась,
клалась в столы.
Под грудой таких же
столами коллегий
ждала,
когда подымут ввысь ее,
и вновь
под сукном
в многомесячной неге
дремала в тридцать третьей комиссии.

Бумажное тело сначала толстело.
Потом прибавились клипсы-лапки.

Затем бумага выросла в „дело“—
пошла в огромной синей папке.
Зав ее исписал на славу,
от зава к замзаву вернулась вспять,
замзав подписал,
и обратно
к заву
бумага на подпись вернулась опять.
Без подписи места не сыщем под ней мы,
но вновь
механизм
бумагу волок,
с плеча рассыпая печати и клейма
на каждый
чистый еще
уголок.
И вот,
через какой-нибудь год
отверз журнал исходящий рот.
И, скрипнув перьями,
выкинул вон
бумаги негодной—на миллион.

Сегодняшнее.

Высунув языки,
разинув рты,
носятся несписты
в рьяни,
в яри...

А посередине
высятся
недоступные форты,
серые крепости советских канцелярий.
С угрозой выдвинув пики-перья,
закованые в бумажные латы,
работали канцеляристы,
когда
в двери
бумажка втиснулась:
„сокращай штаты“!.
Без всякого волнения,
без всякой паники
завертелись колеса канцелярской механики.
Один берет.
Другая берет.
Бумага взад.
Бумага вперед.
По протоpенному другими следу
через замзава проплыла к преду.
Пред в коллегию внес вопрос:
„Обсудите!
Аппарат оброс“.

Все в коллегии спорили стойко.
Решив вести работу рысью,
немедленно избрали тройку.
Тройка выделила комиссию и подкомиссию.
Комиссию распирала работа.

Комиссия работала до четвертого пота.
Начертили схему:
кружки и линии,
которые красные, которые синие.
Расширив штат сверхштатной сотней,
работали и в праздник и в день субботний.
Согнулись над кипами,
расселись в ряд,
щеголяют выкладками,
цифрами пещрят.
Глотками хриплыми,
ртами пенными
вновь вопрос подымался в пленуме.
Все предлагали умно и трезво—
„вдвое урезывать!“
„втрое урезывать!“
Строчил секретарь
— от работы в мыле:
постановили—слушали,
слушали—постановили...
Всю ночь,
над машиной склонившись низко,
резолюции переписывала и переписывала
машинистка.
И...
через неделю
забредшие киски
играли листиками из перписки.

Моя резолюция.

По моему
это
— с другого бочка —
знаменитая сказка про белого бычка.

Конкретное предложение.

Я,
как известно,
не делопроизводитель.
Поэт.
Канцелярских способностей у меня нет.
Но, по моему,
надо
без всякой хитрости
взять за трубу канцелярию
и вытрясти.
Потом
над вытряхнутыми
посидеть в тиши,
выбрать одного
и велеть:
пиши!
Только просить его:
„ради бога,
пиши, товарищ, не очень много!“.

О ПОЭТАХ.

Стихотворение это — одинаково полезно и для редактора и для поэтов.

Всем товарищам по ремеслу:
несколько идей
о „прожигании глаголами сердец людей“.
Что поэзия?!
Пустяк.
Шутка.
А мне от этих шуточек жутко.

Мысленным оком окидывал Федерацию—
готов от боли визжать и драться я.
Во всей округе—
тысяч двадцать поэтов изогнулись в дуги.
От жизни сидячей высохли в жгут.
Изголодались.
С локтями голыми.

Но денно и нощно
жгут и жгут
сердца неповинных людей „глаголами“.
Написал.
Готово.
Спрашивается — прожег?
Прожег!
И сердце и даже бок.
Только поймут ли поэтические стада,
что сердца
сгорают —
исключительно со стыда.

Посудите:
сидит какой-нибудь верзила
(мало ли слов в России есть).
А он
вытягивает,
как булавку из ила,
пустяк,
который полегше зарифмоплесть.
А много ль в языке такой чуши,
чтоб сама
колокольчиком
лезла в уши?!!
Выберет...
и опять отчесывает вычески,

чтоб образ был „классический“,
„поэтический“.
Вычешут...
и опять кряхтят они:
любят ямбы редактора лающиеся.
А попробуй
в ямб
пойди и запихни
какое нибудь слово,
например, „млекопитающееся“.
Потеют, как следует,
над большим листом.
А только сбоку
на узеньком клочечке
коротенькие строчки растянулись глистом.
А остальные—
одни запятые да точки.
Хороший язык; взял да и искрошил,
зря только на обучение тратились гроши.
В редакции
поэтов банда такая,
что у редактора хронический разлив желчи.
Банду локтями,
дверями толкают,
курьер орет: „Набилось сволочи!“
Не от мира сего—
стоят молча.
Поэту в редкость удачи лучи.
Разве, что редактор заталмудится слишком,

и врасплох удастся ему всучить
какую нибудь
позапрошлогоднюю
залежавшуюся „веснишку".
И, наконец,
выпускающий,
над чушью фыркая,
режет набранное мелким петитиком,
и затыкает стихами дырку за дыркой,
на горе родителям и на радость критикам.
И лезут за прибавками наборщик и набор-
щица.
Оно понятно —
набирают и морщатся.

У меня решение одно отлежалось:
помочь людям.
А то жалость.
(Особенно предложение пригодилось к
весне б,
когда стихом зачитывается весь нэп).
Я не против такой поэзии.
Отнюдь.
Весною тянет на меланхоличенскую нудь.
Но долой рукоделие!
Что может быть старей
кустарей.
Как мастер этого дела
(ко мне не прицепитесь),

сообщаю вам об универсальном рецепте-с:
(Новость та,
что моими мерами
поэты заменяются редакционными курь-
ерами).

РЕЦЕПТ.

(Правила простые совсем,
всего—семь).
1) Берутся классики,
свертываются в трубку
и пропускаются через мясорубку.
2) Что получится, то
откидывают на решето.
3) Откинутое выставляется на вольный дух.
(Смотри, чтоб на „образы“ не насело мух).
4) Просушиваемое перетряхивается еле
(чтоб мягкие знаки черезчур не затвердели).
5) Сушится (неуспело перевченится)
и сыпется в машину:
обыкновенная перечница.
6) Затем
раскладывается под машиной
липкая бумага
(для ловли мушиной).
7) Теперь просто:
верти ручку,

да смотри, чтоб рифмы не сбивались в
кучку.
(Чтоб „кровь“ к „любовь“
„тень“ к „дню“
чтоб шли аккуратненько
одна через одну).

Полученное вынь и...
готово к употреблению:
к чтению,
к декламированию,
к пению.

А чтоб поэтов от безработной меланхолии
вылечить,
чтоб их не тянуло портить бумажки,
отобрать их от добрейшего Анатолия
Васильевича
и передать
товарищу Семашке.

О „ФИАСКАХ“, „АПОГЕЯХ“ И ДРУГИХ НЕВЕДОМЫХ ВЕЩАХ.

На с‘езде печати
у товарища Калинина
великолепнейшая мысль в речь вклинена:
„Газетчики,
думайте о форме!“
До сих пор мы
не подумали об усовершенствовании ста-
тейной формы.
Товарищи газетчики,
СССР оглазейте,—
как понимается описываемое в газете.

Акуловкой получена газет связка.
Читают.
В буквы глаза втыкают:
Прочли:
—„Пуанкаре терпит фиаско“.

Задумались.
Что это за „фиаска“ за такая?
Из-за этой „фиаски“
грамотей Ванюха—
чуть не разодрался:
—Слушай, Петь,
с „фиаской“ востро держи ухо:
даже Пуанкаре приходится его терпеть.
Пуанкаре не потерпит какой-нибудь клячи,
Даже Стиннеса,—
и то!—
прогнал из Рура.
А этого терпит.
Значит—богаче.
Американец должно.
Понимаешь, дура?!

С тех пор,
когда самогонщик,
местный туз,
проезжал по Акуловке, гремя коляской,
в уважение к богатству,
скидывая картуз,
его называли:
— Господином Фиаской.
Последние известия получили красноармейцы.
Сели.
Читают, газетиной вея.

—О французском наступлении в Руре име-
ется?
—Да, вот написано:
„Дошли до своего апогея“.
—Товарищ Иванов!
ты ближе.
Эй!
На карту глянь!
Что за место такое:
А-по-о-г-е-й?—
Иванов ищет.
Дело дрянь.
У парня
аж скулу от напряжения свело.
Каждый город просмотрел,
каждое село.
Эссен есть,—
Апогея нету!
Деревушка махонькая должна быть эта.
Верчусь,—
аж дыру провертел в сапоге я,—
не могу найти никакого Апогея.
Казарма
малость
просвещалась.
Наконец,
товарищ Петров взял слово:
—Сказано: до своего дошли,—
ведь, не до чужого.

Пусть рассеется сомнений дым.
Будь он селом или градом,
Своего „апогея“ никому не отдадим,—
А чужих „апогеев“ нам не надо.

Чтоб мне не писать, впустую оря,—
Мораль вывожу тоже:
То, что годится для иностранного словаря,
Газете—не гоже.

СПРОСИЛИ РАЗ МЕНЯ: „ВЫ ЛЮБИТЕ-ЛИ НЕП?“ ЛЮБЛЮ, ОТВЕТИЛ Я, КОГДА ОН НЕ НЕЛЕП.

Многие товарищи повесили нос.
— Бросьте, товарищи!
очень не умно-с.

На арену!
С купцами сражаться иди!
Надо счетами бить учиться.
Пусть „всерьез и надолго“,
но там,
впереди,
может новый октябрь случиться.

С Адама буржую пролетарий не мил.
Но раньше побаивался —
как бы не сбросили,
хамил, конечно,
но в меру хамил —
а то
революций не оберешься после.

Да и то —
в октябре,
пролетарская голь,
из под ихнего пуза-груза, —
продралась
и загнала осиновый кол
в кругосветное ихнее пузо.

И вот,
Вечекой,
Эмчекою выняньчена,
вчера пресмыкавшаяся тварь еще, —
трехэтажным „Нэпом“ улюлюкает нынче
нам:
„Погодите, голубчики!“
Попались, товарищи!

Против их
инженерских-бухгалтерских числ
не попрешь с винтовкою выйдя.
Продувным арифметикам ихним учись —
стиснув зубы
и ненавидя.

Великолепен был буржуазный Лоренцо.
Разве что
с шампанского очень огорчится —
возьмет
и выкинет коленце:

Нос
— и только! —
вымажет горчицей.

Да и то,
в октябре,
пролетарская голь,
до хруста зажав в кулаке их,—
об'явила:
„не буду в лакеях“!
Сегодня,
изголодавшиеся сами,
им открывая двери „ Гротеска“,
знаем —
всех нас
горчицами,
соусами
смажут сначала,
„НЭП“ — дескать.

Вам не нравится с вымазанной рожей?
И мне тоже.
Не нравится-то, не нравится,
а чорт их знает,
как с ними справиться.
Раньше
был буржуй
и жирен
и толст,

драл на сотню—сотню
на тыщи — тыщи.
Но зато,
в „Мерилизах“ тебе
и пальто с,
и гвоздишки,
и сапожищи.

Да и то,
в октябре,
пролетарская голь...
попросила:
„убираться изволь!“
А теперь буржуазия!
Что делает она?

Ни тебе сапог,
ни ситец,
ни гвоздь!
Она —
из мухи делает слона
и после
продает слоновую кость.

Не нравится производство кости слонячей?
Производи иначе!
А так сидеть и „благородно“ мучиться —
из этого ровно ничего не получится.

Пусть
от мыслей торгашских
морщины—ров, —
В мозг вбирай купцовский опыт!
Мы
еще
услышим по странам миров
революций радостный топот.

О ДРЯНИ.

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло,
из-за спины Р. С. Ф. С. Р.,
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия:
Мещанам
без различия классов и сословий
мое словословие).

Со всех необ‘ятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменив,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне —
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спаленки.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,
говорит,
от самовара разморясь:
— Товарищ Надя!
К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф.—

А Надя:
„И мне б с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете.
В чем
сегодня
буду фигурять я
на балу в Реввоенсовете!?“
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На „Известиях“ лежа, котенок греется.
А из-под потолка
верещала
оголтелая канареица.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот
да как заорет:
„Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!“

КАТАЛОГ

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“ при Главполитпросвете.

Крестьяно-красноармейская серия.

Ашукин.—Николай Алекс. Некрасов.
„ Алексей Вас. Кольцов.
„ Сын рыбака.
Асеев Н.—Буденный.
Верещагин. Единый сельско-хоз. налог.
Викдорчик—(Горбов).—Болотная лихорадка.
Гремяцкий.—Живые и мертвые зерна.
„ Как и чем питаются растения.
„ Как сохранить здоровье.
„ Заразные болезни.
„ Зеленый змий.
Короленко.—Сон Макара.
Коржанский.—Законы о земле.
„ Крестьянский двор.
Конопницкая—Печальница горя народного.
„ Старый пережиток.
Леонтьев.—Лошадь—живая машина.
Логинов. Страхование крестьянского добра.
Лозовой.—С.-Х. кооперация в новых условиях.
Лесков.—Тупейный художник.
Логинов.—Рассказы о том, как кооперация мужиков из болота вытащила.
Мачтет.—Жид.
Маяковский.—Вон самогон.
„ Ни знахарь, ни бог, ни слуги бога крестьянину не подмога.
„ Обряды.
„ Сказка о дезертире.
Некрасов.—Савелий—богатырь святорусский.
Огурцов.—Как бабы самогон одолели.
Ожешко.—Ведьма.
Пейваринте.—Матвей с голодной горки.
Под'япольский.—Детский труд в сельском хозяйстве.
Ростовцев.—Картофель.
Суриков.—Его жизнь и стихи.
Толстой, А.—Поликушка.
Успенский Гл. Параскева Пятница.
„ Саранча.

Цветков.—Старая и новая вера.
„ Пчелы.
Шефер. - Змей Горыныч.
Штронд. Пернатая Красная Армия.
Язвицкий.—Земля и что мы о ней знаем.

Серия литературно-художественная.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Алексеев.—Явь.
Андреев.—Красный смех. С иллюстр. Ю. Анненкова.
Белинский.—Письмо к Гоголю.
Басов-Верхоянцев.—Конек-скакунок.
Гамсун.—Соки земли. Пер. В. Муйжель. Иллюстр. А. Головина.
Гюго В.—93-й год. Сокращ. перев. Слонимского. С иллюстр. Митрохина.
„ Отверженные.
Золя Э.—Западня. Сокр. перев. Е. Летковой. С иллюстр. Чехонина.
„ Углекопы. Сокр. пер. Лунца. С иллюстр. Замирайло.
Иванов Вс.—Бронепоезд № 1469.
„ Партизаны.
Кармен.—К солнцу.
Келлерман.—9 ноября Сокр. перев. Выгодского. С иллюстр. Левитского.
„ Туннель. Сокр. пер. Выгодского. С иллюстр. Замирайло.
Коган.—Белинский.
Кряжин В.—Красный петух. Мелодрама в 3-х действ. из эпохи Великой Французск. Революции.
Лебедев.—Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался. (Сказка).
Лондон Дж.—Железная пята. Сокращ. перев. Губера. С иллюстрац. худ. Анненкова.
Люксембург В.—Короленко.
Малышев С. Нижний—Лион.
„ К новой жизни.
Маяковский.—Стихи о революции. I и II изд.
Мериме. Крестьянское восстание.

Неверов.—Смех и горе. Комедия.
Новиков-Прибой.—Вековая тяжба. Рассказы.
Орешин П.—Человек на льдине. Рассказы.
„ Микула. Поэма.
„ На голодной земле.
„ Мужики.
Прокофьев.—Казнь Сальва. По роману „Париж“. Э. Золя.
Прутков К.—Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться. С илл. М. Добужинского.
Пшебышевский.—Чтец-декламатор. На польск. яз.
Серафимович.—Бабья деревня. Рассказы.
Синклер.—Джимми Хиггинс. Роман.
„ Чаща.
„ 100%. Сокр. перев. Губера. С иллюстр. Митрохина.
Сосновский.—Рассея.
Фаррер Клод.—Остров большого колодца. Перев. с французск.
Франс А.—Боги жаждут. Сокр. перев. Губера. С иллюстр. Чехонина.
„ Бунт ангелов. Сокр. перев. Губера. С иллюстр. Чехонина.
Фурманов.—Красный дессант.
Чунин.—Углекоп Корт.
Шенгели.—Броненосец Потемкин.
Лет.—Сборник стихотворений.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Александровский.—Поэма о Пахоме.
Безыменский А.—Как пахнет жизнь.
Беранже.—Избранные песни.
Демьян Бедный.—Полное собрание сочинений.
Деревенские были.—Сборник рассказов и стихотворений.
Дорохов.—Житье-бытье.
Неверов А.—Богомолы. Рассказы.
Никулин.—14 месяцев в Афганистане.
Прокофьев.—Праздник крови.
Сборник.—Народный театр. Комедии (5).
Серафимович.—Рассказы.
Сосновский, Л.—Поэт и масса.
Сережников.—Революционный чтец-декламатор.
Синклер.—Ад.
Уэльс.—Невидимка.
„ Первые люди на луне.
Яровой.—Повести и рассказы.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Лондон.—Морские рассказы.
Маркс Мадлен.—Женщина.
Синклер.—Выгоды от религии.
„ Гусиная походка.
Уэльс Г.—Война в воздухе. Сокр. перев.
Фаррер К.—Представители цивилизации.

Серия биографическая.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Вернер.—Евгений Левинэ и Баварская Советская Республика.
Горев, Б.—Первый русский марксист Г. В. Плеханов.
Коган-Коутс.—Жизнь и деятельность Фридриха Энгельса.
Новицкий.—Платон.
Эвелинг.—Чарльз Дарвин. Его жизнь и деятельность.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ:

Новицкий.—Кампанелла.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Бебель.—Биографические воспоминания.

Популярно-научная серия.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Гремяцкий.—Как возникла и развилась жизнь на земле.
„ Борьба за жизнь в природе.
„ Размножение и развитие животных.
Завадовский.—Проблемы сторости и омоложения.